

63.3
D 161

Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас

**История
органов местного
самоуправления бурят
в XIX – начале XX в.**

63.3(2Рос.Бур)

Д 161

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

Л. М. ДАМЕШЕК, Б. Ц. ЖАЛСАНОВА, Л. В. КУРАС

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

*В дар научной библиотеке БГУ
по поручению администрации
коллектива*

Л. Курас

У-КУА

20.10.2015.

УДК 352(571.5)(091)
ББК Х2(2Р54)5-523
Д16

Печатается по решению учебно-методической комиссии
исторического факультета ИГУ

Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012-2016 гг., проект Р121-МИ-001

Отдел краеведческой
и национальной
литературы

Ответственный редактор:
чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*

Рецензенты:

д-р ист. наук *А. А. Борисов*, д-р ист. наук *С. А. Мантурова*,
д-р ист. наук *В. А. Скубневский*

Дамешек Л. М.

Д16 История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; [отв. ред. Б. В. Базаров]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.

ISBN 978-5-9624-0930-6

В монографии на основе обширного источникового и историографического материала рассматриваются проблемы формирования и развития органов местного самоуправления бурят, их административная, хозяйственная, судебная деятельность и работа по социальному призрению в XIX – начале XX в.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: специалистов-историков, аспирантов, учителей, краеведов и всех тех, кто интересуется историей Бурятии как неразрывной, составной части России.

603526

УДК 352(571.5)(091)
ББК Х2(2Р54)5-523

ISBN 978-5-9624-0930-6

© Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова,
Л. В. Курас, 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
**НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ОГЛАВЛЕНИЕ

О задачах книги	4
Глава 1. Источники и историография исследования	10
1.1. Источниковая база исследования истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	10
1.2. История органов местного самоуправления бурят XIX – начала XX в. в Российской историографии	66
Глава 2. Законодательные основы российской государственной политики в отношении инородцев Сибири в XIX – начале XX в.	125
2.1. Российское законодательство в отношении инородцев Сибири с 1822 г. до середины 1890-х гг.	125
2.2. Российское законодательство в отношении инородцев Сибири в конце XIX – начале XX в.	172
Глава 3. Региональные особенности формирования и развития органов местного самоуправления бурят в Иркутской губернии и Забайкальской области в XIX – начале XX в.	205
3.1. Образование и развитие системы бурятских органов местного самоуправления в 1820–1890-х гг.	205
3.2. Органы местного самоуправления бурят Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX– начале XX в.	271
Глава 4. Административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	307
4.1. Административная деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	307
4.2. Хозяйственно-экономическая деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	376
Глава 5. Социальная политика органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	428
5.1. Деятельность органов местного самоуправления бурят по развитию народного образования и здравоохранения	428
5.2. Роль органов местного самоуправления бурят в осуществлении опеки и попечительства	460
Заключение	480
Список использованных источников	483

О задачах книги

Интерес к феномену российской государственности, активно демонстрируемый в последнее время представителями различных наук – историками, юристами, географами, политологами и др., позволил вынести на обсуждение общественности сложные комплексные проблемы, решение которых невозможно только в рамках одного научного направления, но диктуется практическими потребностями разработки парадигмы взаимоотношения регионов и метрополии в масштабах государства. Строго говоря, проблема эта не нова. Она стояла перед самодержавием на протяжении всех трех сот лет существования романовской империи и, как представляется, существует и сегодня. Объясняется это особенностями как исторического развития, так и геополитической организацией российской государственности – ее европейско-азиатским строением, огромной протяженностью территорий, пестрым этническим и религиозным составом населения, его образом жизни, культурными традициями... Не последнюю роль в процессе развития государственности играли время и способы включения нерусских народов в состав России. Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, отличались не только разнообразием климата, ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница в уровне экономического развития территорий.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере вхождения этих земель в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи. Все это побуждало самодержавие к постоянному поиску путей консолидации империи, важнейшей и конечной целью которых было предотвращение угрозы национального сепаратизма. Народы и государства существуют не в безвоздушном пространстве, а в конкретном географическом и историческом измерении. Последнее обстоятельство накладывало существенный отпечаток на выстраивание системы отношений центра и периферии, кото-

рые вплоть до начала XX в. отличались известной гибкостью и поливариантностью, что рассматривалось правительством как существенный компонент условия устойчивого существования империи. Именно поэтому важным средством инкорпорации окраинных территорий в единый общероссийский организм признавалась не только земледельческая колонизация, но и административно-правовая и социокультурная унификация.

Современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитического строения империи. Ее традиционное диополе Европа – Азия, неравномерность в экономическом и социокультурном развитии регионов, сохраняющаяся этническая, религиозная пестрота и имевший в недавнем прошлом место «парад суверенитетов» – все это выдвигает перед теоретиками и практиками государственного строительства весьма непростую и в то же время актуальную задачу выработки концептуальных основ региональной политики новой России. В этом смысле изучение исторического опыта разработки моделей региональной политики во всем ее многообразии в досоветской России является весьма полезным и актуальным.

В ходе исторического развития Российского государства на его огромном и разнородном пространстве сложился ряд исторических общностей, отличавшихся своей индивидуальностью. Для этих общностей было характерно прежде всего наличие единого не только политико-административного, а прежде всего историко-географического пространства. Это были, выражаясь современной терминологией, регионы, в каждом из которых имперские процессы протекали по-своему. Последние определялись особенностями исторического развития территории, ее природно-климатическими особенностями, ландшафтом, этноконфессиональным составом населения, наконец, внешнеполитическими обстоятельствами. В этом смысле Прибайкалье и Забайкалье вполне могут быть охарактеризованы как несомненно важные регионы Российской империи, значение которых существенно возросло во второй половине XIX столетия в связи с активизацией азиатского вектора внешней политики России.

Постановка исследовательской задачи в предлагаемой вниманию читателя книге нуждается в определенных пояснениях. Прежде всего отметим, что употребляемое в ней понятие «Си-

бирь» достаточно условно. С точки зрения географии речь идет о юго-восточной части этого обширного региона, одной из наиболее выдающихся достопримечательностей которой является оз. Байкал. Это замечательное озеро, которое сибиряки на протяжении многих поколений называют морем, делит огромную территорию на две весьма отличные друг от друга в климатическом, ландшафтном и иных отношениях части – Предбайкалье и Забайкалье. Однако в этническом смысле между этими двумя регионами есть немало общего. Это территория так называемой сегодня этнической Бурятии, коренным населением которой, наряду с эвенками, тофоларами, являются буряты – один из самых больших по численности народов Сибири. Этническую основу современных бурят составляли племена эхиритов, булагатов, хоритуматов, обитающие в долинах рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузина. Бурятские территории «сформировались в результате сложных процессов смены мировых систем и центров». С появлением на этих землях русских в сложной политической ситуации наметились новые магистральные пути, определившие судьбы народов монгольского мира, значительно ускорились процессы консолидации монголоязычного населения¹. Сегодня буряты преимущественно проживают на территории трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. В императорской России в границах середины XIX в. это была территория Иркутской губернии, в состав которой наряду с Нижнеудинским, Киренским и другими входили одноименный и Верхнеудинский округа, коренное население этих административных единиц в абсолютном большинстве и составляли буряты.

Поначалу продвижение русских отрядов в Восточную Сибирь носило довольно хаотичный и меркантильный характер. Опорными пунктами землепроходцев стали остроги Братский, Иркутский, Удинский, Селенгинский, Нерчинский и другие военные поселения, довольно скоро превратившиеся в административные центры. Процесс инкорпорации Сибири в Россию был довольно длительным и сложным, причем на протяжении XVII и значи-

¹ Базаров Б. В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. № 2. 2011. С. 14, 15, 18.

тельной части XVIII в. в нем преобладали военно-административные методы. Власть здесь шла явно впереди экономики¹. Уже позже на смену военно-административным пришли политико-административные и экономические методы. Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колониационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории.

Процесс «оцентровывания границ» завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира площадью около 22 млн кв. км с населением 178 млн чел. (с Финляндией и Польшей к 1914 г.). К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложным для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако особенности выстраивания дискурса «центр – национальная окраина (периферия)» заключались в характере вхождения той или

¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 14.

иной территории в Россию, в существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Однако автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри- и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства, которая была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимым. Решая стратегические задачи закрепления за Россией вновь присоединенных территорий, расположенных на стыке границ России, Монголии и Китая, московские, а впоследствии и петербургские власти аборигенному, а в данном регионе бурятскому фактору отводили немаловажную роль. Достижению задачи закрепления этих территорий за Россией были подчинены все основные направления политики самодержавия в отношении бурят, в том числе и организация самоуправления с учетом местного, национального колорита.

Между тем ни в русской, ни в современной отечественной историографии тема эта практически не разрабатывалась. Вот почему авторы сконцентрировали свое внимание на данной проблеме. Что касается политического подхода к теме, то представ-

ляется, что взгляд на нее через призму политики так же правомерен, как через призму философии, религии, культуры и т. д. Политический аспект предпринимаемого исторического исследования предполагает как комплексный подход с использованием результатов смежных гуманитарных наук, так и компаративный анализ изучаемых процессов. Именно такой подход к оценке проблемы становления и развития российской государственности на всех этапах ее истории позволяет в совокупности представить общие закономерности и особенности ее территориального, этнического устройства, а в конечном итоге эволюцию форм государственного управления, политических институтов и структур власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1822 по 1917 г. Выбор нижней хронологической грани объясняется введением в 1822 г. М. М. Сперанским «Сибирского учреждения», ставшего не только первым в России, но и наиболее полным комплексом регионально-территориального законодательства, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX в. и опередившего общероссийскую кодификацию на десять лет. Расширение территории государства в первой половине XIX в. и, как следствие, усложнение внутривнутриполитических задач побуждало правительство искать оптимальные пути инкорпорации окраинных территорий в общеимперское пространство. В этом смысле «Сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами империи, т. е. находилось в русле общегосударственной политики.

Конечная дата исследования – февраль 1917 г., время крушения империи и связанных с ней политических институтов власти и управления. Выделение такого хронологического периода позволяет, как представляется авторам, проследить динамику развития имперских процессов в Бурятии, выявить их наиболее характерные и специфические черты, выделить основные этапы развития политики имперского регионализма.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Источниковая база исследования истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.

Объективное изучение истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в., на наш взгляд, невозможно без всестороннего исследования исторических источников, введения в научный оборот не опубликованных ранее источников. Исследование исторических источников, предпринятое в данной работе, позволяет восстановить историю местного самоуправления бурят и их многогранной деятельности.

Источниковую базу истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. составляют законодательные акты Российской империи, опубликованные и неопубликованные документы архивов, статистические данные, памятники обычного права бурят, бурятские летописи, материалы региональной периодической печати, сибирская мемуаристика, энциклопедические, справочные издания, фотодокументы, картографические документы.

Исследователи отмечают, что в отечественной историографии нет единства взглядов в определении того, что должно быть положено в основу классификации письменных источников. Одни классифицируют по содержанию, другие по происхождению, третьи – по типам, видам и родам¹. Целесообразным, на наш взгляд, является разделение источников по происхождению и содержанию находящейся в них информации.

Законодательные акты. К первой группе источников относятся законодательные акты, имевшие важное значение в опре-

¹ Иванов В. Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск : Наука, 1979. С. 12.

делении политики Российского государства в отношении инородцев, опубликованные в Полных собраниях законов Российской империи, Сводах законов Российской империи, Собраниях узаконений и распоряжений Правительства. Законодательные акты в отношении сибирских инородцев в XIX – начале XX в. рассматриваются во второй главе.

Архивные документы. Ко второй группе можно отнести опубликованные и неопубликованные документы архивов: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Учитывая огромное значение архивных документов как основного источника по теме исследования, мы выделили отдельный параграф «Архивные документы как источник по истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.», в котором дается подробный анализ и описание архивных фондов разных российских архивов.

Статистические материалы. К третьей группе исторических источников относятся статистические материалы, касающиеся инородческого населения Иркутской губернии и Забайкальской области, составленные Ю. А. Гагемейстером, С. О. Паткановым, И. И. Серебренниковым, Д. М. Головачевым, В. В. Солдатовым¹. На основе статистических показателей авторы анализируют состав инородческого населения по половозрастному признаку, вероисповеданию, занятиям, семейному положению, сословию, состоянию и его хозяйственный быт.

Ценные статистические сведения о бурятах опубликованы в работе Ю. А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири», в которой автор приводит данные о демографическом состоянии инородцев Сибири, их хозяйства, о суммах налогов и т. д. Рассматривая информацию о количестве инородцев Иркутской губернии

¹ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. I. Население. Д. М. Головачев. II. Хозяйственный быт. В. В. Солдатов. Чита, 1911. 338 с.; Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия : стат. очерк. Иркутск, 1913; Патканов С. О. Приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911.

за 1823–1851 гг. (т. е. за 28 лет), увеличившееся на 41 %, он обнаруживает сходство с положением в Англии, где за 1821–1851 гг. (за 30 лет) население увеличилось на 48 %. Малый прирост населения автор объясняет огромной детской смертностью среди инородцев. Интерес в упомянутом труде Гагемейстера представляют статистические таблицы о количестве населения Сибири за 1823–1852 гг., числе родившихся, умерших и бракосочетавшихся по Сибири за 1835–1852 гг., о состоянии городов, количестве ссыльных за 1825–1852 гг., количестве ввезенного и вывезенного товара в Китай и т. д., всего в сборнике 25 обширных таблиц. Значительное место занимают статистические сведения о сборе ясака и других видах налоговых сборов, количестве населения по вероисповеданию и т. д. Так, по данным Ю. А. Гагемейстера, к 1852 г. при 266 православных церквях Иркутской губернии служил 821 священник, а при 157 ламских кумирнях служили 4546 лам; если в Иркутской епархии в 1852 г. крещение приняли всего 9 инородцев, то в Томской епархии – 528, а в Камчатской – 788¹.

Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области содержит ценные сведения об истории управления краем начиная с первого появления русских в Забайкалье, об административном устройстве, статистические данные о населении, хозяйстве, повинностях, описание городов и крупных населенных пунктов и т. д. Так, в главе о повинностях отмечается, что они ложатся неодинаково на население области: в 1889 г. размер подушной подати для государственных крестьян составил 1 руб. 9 коп. – 1 руб. 35 коп., для инородцев – от 49 коп. до 54 коп., при этом земли в пользовании у крестьян было 1 771 451 десятина, у инородцев – 5 658 175 десятин².

С. О. Патканов в 1912 г. опубликовал статистические данные о населении Сибири по материалам переписи 1897 г., представляющие огромный интерес для исследователей истории бурятских ведомств. Составленные им таблицы служат источником для изучения национального состава населения, состояния хозяйства в ведомствах, административно-территориального деления Ир-

¹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. 697 с.; Ч. 3. СПб., 1854. 109 с.

² Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. 156 с.

кутской губернии и Забайкальской области. Например, только по ведомству Хоринской степной думы имеется список 655 названий урочищ и улусов, в которых проживало 49 766 бурят, 370 русских, 73 еврея и 57 тунгусов, китайцев, поляков и прочих, в Селенгинском ведомстве в 183 местностях проживало 31 610 бурят, 66 русских и 13 прочих и т. д.¹

Важным источником по истории Агинского ведомства являются «Труды Агинской экспедиции», содержащие статистические материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, проведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. Сборник состоял из двух частей: 1) Население (составитель Д. М. Головачев); 2) Хозяйственный быт (составитель В. В. Солдатов)². Целью исследования, как пишет Д. М. Головачев, было изучение кочевого быта наряду с изучением окружающей природы как одной из интереснейших форм хозяйственного быта.

Исходными данными для переписи 1908 г. послужили материалы статистической экспедиции Комиссии А. Н. Куломзина 1897 г., однако, как отмечают авторы, особенностью переписи 1908 г. является учет значительного количества бурят, кочующих в Монголии. Рассматривая численность населения Агинского ведомства в сравнении с 1897 г., Д. М. Головачев отмечает, что, несмотря на абсолютное увеличение населения за 11 лет на 4424 человека, тем не менее, с учетом неполного охвата населения переписью 1897 г., наблюдается уменьшение ее естественного прироста. Здесь речь может идти о вырождении или вымирании народности или же значительной эмиграции инородцев³.

Статистическое исследование хозяйства агинских бурят показало, что, к 1908 г. наблюдается уменьшение количества скота, свидетельствующее об упадке скотоводства у бурят. В. В. Солда-

¹ Патканов С. О. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб., 1912. С. 631, 673.

² Труды Агинской экспедиции...

³ Головачев Д. М. Население Агинской степи // Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. Чита, 1911. С. 30–31.

тов рассматривает разные причины этого процесса: распространение эпизоотий, ухудшение климатических условий, увеличение хищных животных, нападавших на скот, уменьшение площади землепользования в связи с переселенческими процессами и даже спаивание бурят русскими. Основную причину упадка скотоводства он видит в социально-экономических изменениях в хозяйстве, вызванных проведением железной дороги и двумя войнами, которые привели к расслоению населения, уменьшению крупных хозяйств при росте количества бедных хозяйств и к вытеснению натурального хозяйства¹.

Автором известных работ по статистике является И. И. Серебренников, который с позиций своих областнических идей рассматривал демографическую статистику инородческого населения Сибири².

Летописи. Ценными источниками по истории бурятских ведомств являются летописи – исторические сочинения, изложение в которых ведется строго по годам, к которым относятся бурятские летописи и «Иркутская летопись». Е. М. Залкинд отмечает, что летописи с некоторыми оговорками могут быть отнесены к числу источников, однако, на наш взгляд, ко всем видам исторических источников применимо такое замечание.

В 1858–1861 гг., а затем в 1892–1895, 1897–1898 гг. на страницах Иркутских губернских ведомостей была опубликована Летопись П. И. Пежемского с продолжением летописи В. А. Кротова. Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова были опубликованы в 1911 г. с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова под названием «Иркутская летопись»³. Н. С. Романов продолжил «Иркутскую летопись» с 1857 по 1880 г., которая была издана в 1914 г.⁴ Эти летописи содержат огромный

¹ Солдатов В. В. Хозяйственный быт инородцев в Агинской степи // Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. Чита, 1911. С. 100–104.

² Серебренников И. И. Половой состав русского и инородческого населения Сибири // Сиб. вопросы. 1908. 8 марта (№ 9). С. 24–30; Он же. Буряты по данным переписи 1897 г. 1908. 8 нояб. (№ 37–38). С. 18–27; Он же. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия : стат. очерк. Иркутск, 1913. 48 с.

³ Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911. 418 с.

⁴ Романов Н. С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1914. 426 с.

фактический материал об истории не только г. Иркутска, но и губернской жизни: о назначениях и перемещениях губернаторов и других должностных лиц местной администрации, о визитах различных комиссий, деятельности миссионеров и т. д. Например, в записи от 7 января 1764 г. говорится о направлении в Сибирь Щербачева для сбора «ясака, бессовестно и до конца разоряемых беззащитных ясачных всех племен». Или другой пример: 25 мая 1857 г. тайша Тункинской степной думы Зангей Хамаков принял крещение со своим сыном Дамба Зангеевым, еще 13 родовыми шуленгами, 50 бурятами и 14 бурятками¹. Несмотря на свою источниковую ценность, следует отметить, что Иркутская летопись содержит незначительный материал непосредственно по истории бурятских ведомств.

Несомненный интерес представляют бурятские летописи, составленные в XIX – начале XX в. Бурятские летописи в большинстве своем схожи по структуре и форме с монгольскими летописями, но в то же время отличаются от них своей документальностью, особенно начиная с событий, происходивших после вхождения Бурятии в состав Российского государства. Бурятские летописцы с большой тщательностью и добросовестностью использовали подлинные исторические документы, хранившиеся в делах канцелярии степных дум, инородных управ и дацанов, в личных архивах представителей бурятской аристократии, просветителей и ученого духовенства. Если учесть, что многие архивные документы прошлых столетий не дошли до нас, становится ясным, насколько ценными историческими источниками являются бурятские летописи, поэтому сведения, сохранившиеся в них, приобретают особое значение².

Особенность бурятских летописей заключается в личностном отношении авторов к тем или иным событиям, к тем или иным должностным лицам. Т. Тобоев с неодобрением отзываясь о деятельности Ринчин-Доржи Дымбилова, который был нравом груб, корыстолюбив и собирал подати без разрешения начальства, в то же время дает положительную характеристику Тарба Жигжитову, также обвиненному впоследствии в неблагоприятных поступках.

¹ Романов Н. С. Указ. соч. С. 6–7.

² Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Республ. тип., 2011. С. 3.

В летописях значительное внимание уделяется истории местного самоуправления бурят, имеются сведения о должностных лицах и т. д. Наиболее известны летописные сочинения Т. Тобоева «Прошлая история хоринских и агинских бурят», В. Юмсунова «История происхождения одиннадцати хоринских родов», Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монгол-бурят», Ц. Сахарова «Историческая записка о баргузинских бурятах», «Бишихан записка» Н. Вампилова, Ю. Буянтуева и др., «История Подгородного рода» Д.-Д. Гемпилона, «Доклад о происхождении одиннадцати хоринских родов» Д. Дарбаева и др.

Особо следует отметить летопись В. Юмсунова 1875 г., названную Е. М. Залкиндом не без оснований историко-этнографическим очерком, в которой отдельные главы посвящены истории управления хоринских бурят, родоначальникам, описанию образа жизни и быта, повинностям бурят и т. д. Следует отметить также и Аларскую летопись, изданную Г. Н. Румянцевым.

Не менее ценными источниками являются баргузинские летописи: «Краткое повествование о старинной истории Баргузина» анонимного автора, историко-этнографический очерк «Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области» Николая Цыван Жаб Сахарова 1869 г., Летопись баргузинских бурят 1887 г. Александра Цэдэб Жаб Сахарова. Сочинение Н. Сахарова не является, по мнению Г. Н. Румянцева, по своей структуре и содержанию летописью, это краткая справка или записка о прошлом и современном автору состоянии баргузинских бурят¹. Появление Летописи баргузинских бурят 1887 г., как и Летописи хоринских бурят 1887 г. Ш.-Н. Хобитуева и Краткой исторической справки о селенгинских бурятах С. Юмова, связано с именем Э. Э. Ухтомского, которому понадобились исторические материалы для его работы. Баргузинские летописи подробно описаны учеными А. Востриковым, Г. Н. Румянцевым, Н. Н. Поппе, которые, отмечая их источниковую ценность, подчеркивают, что они не являются «образцовыми среди других летописных сочинений бурят-монголов». Им не достает ни той обстоятельности и подробности, ни даже той точности, которая характеризует лето-

¹ Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ, 1956. С. 6.

писи хоринских и селенгинских бурят, тем не менее они являются продуктом собственно баргузинской историографии¹.

Памятники обычного права бурят. Памятники обычного права бурят являются ценнейшими источниками для изучения социальных отношений, форм хозяйства, административного устройства бурят на протяжении XVII–XIX в. Как отмечает Б. Д. Цибилов, «до присоединения Бурятии к России обычное право у бурят представляло единственный вид права. Они не знали писаных законов, общественная жизнь народа передавалась на основе установившихся правовых обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение»². С появлением письменности и началом кодификации норм обычного права появляются памятники писаного права.

О ценности памятников обычного права писал Д. Я. Самоквасов, выделяя три вида источников для изучения истории политических учреждений и права: 1) описания современников, имевших возможность наблюдать явления политической жизни и оставивших потомкам описания этих явлений; 2) предания, которые сохранили современные общества об условиях прежней жизни; 3) сохранившиеся памятники обычного права, дающие представление о социальной жизни различных обществ³.

Одним из наиболее ранних памятников обычного права бурят является «Скаска» балаганских бурят 1693 г., в 11 статьях которой кратко говорится о наказаниях, полагавшихся за наиболее тяжкие преступления: убийство, увечье, насилие, воровство⁴. Как отмечает Б. Д. Цибилов, научная ценность «Скаска» заключается в том, что она является источником для изучения социальной структуры бурят в дорусский период их истории, когда бурятские правовые понятия еще не успели подвергнуться влиянию русской государственности и ее правовых норм. Б. Д. Греков назвал этот памятник по аналогии с «Правдой русской» – «Бурятской правдой»⁵.

¹ Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 76 с.

² Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. С. 3.

³ Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: В тип. Ивана Носковского, 1876. С. 4.

⁴ Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы. С древнейших времен до 1917 г. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 51–53.

⁵ Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят ... С. 7.

Самым ранним из известных памятников обычного права забайкальских бурят является Указ 1759 г., составленный родоначальниками 11 хоринских и двух селенгинских родов – цонгольского и ашибагатского – в ответ на запрос пограничного комиссара В. Якоби о вероисповедании бурят¹. Появление этого акта было следствием распространения ламаизма и вытеснения им шаманства. Следующим сборником законов является Уложение 1763 г. хоринских бурят, состоявшее из трех обширных статей о брачном праве, об охоте и борьбе с пьянством².

Из крупных сборников степных законов самым ранним является Книга записи судебных законов 1775 г. селенгинских бурят, известная под названием Селенгинское уложение 1775 г. Б. Д. Цибилов считает его ценным источником, служащим для изучения социально-экономических отношений бурят, так как нормы обычного права, зафиксированные в этом сборнике, были составлены без постороннего вмешательства. Примитивизм и казуистичность этого памятника показывают, что он мало подвергался влиянию более высокоразвитой государственности и соответствующей ей правовой системы³.

Вторым большим сборником степных законов является Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, состоявшее из 132 статей⁴. Не меньшую научную ценность представляют Устав 1788 г. хоринских и селенгинских бурят о нормах брачного права; Наказ главного тайши хоринских родов Шираб Дамба-Дугар Ринцено 1793 г., статьи которого направлены на борьбу с пьянством, развратом, азартными играми, расточительностью; Согласительный устав 1800 г., устанавливающий нормы торговых сделок; Приговоры 1817 г. и 1818 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов, содержавшие ценные сведения об их административном устройстве накануне введения Устава об управлении инородцев 1822 г.; Приговор 1820 г. о взыскании податей⁵.

¹ Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск, 1992. С. 14–15.

² Обычное право хоринских бурят. С. 15–16.

³ Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят ... С. 8–11.

⁴ Там же. С. 24–48.

⁵ Обычное право хоринских бурят. С. 16–24, 48–60.

После принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. была предпринята попытка кодифицировать право сибирских народов. По предписанию М. М. Сперанского были собраны значительные материалы по обычному праву бурят, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге¹. К ним относятся степные уложения бурят Балаганского, Идинского, Верхоленского, Тункинского, Хоринского и Селенгинского ведомств.

Сборники обычного права Верхоленского, Идинского, Тункинского, Балаганского, Кудинского, Хоринского, Селенгинского ведомств 1823 г. были опубликованы Д. Я. Самоквасовым². Кроме этих сборников обычного права бурят, были опубликованы сборники обычного права калмыков и татар Бийского уезда, инородцев Кузнецкого уезда, вогулов, остяков и самоедов, якутов, киргизов и тунгусов. Оценивая изданный им сборник, Д. Я. Самоквасов пишет, что он представляет собой «драгоценнейший для науки материал, подобного которому по полноте и качеству не существует в литературе. В противоположность существующим сборникам обычного права первобытных народов, составленным по известиям путешественников, часто отрывочным, случайным, в которых действительность более или менее пострадала от субъективных воззрений авторов»³.

Из материалов, собранных комиссией М. М. Сперанского, Б. Д. Цибилов отмечает большую ценность Хоринского уложения 1823 г. как одного из главных источников «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. и Селенгинского сборника 1823 г., составленных по распоряжению Иркутского гражданского губернатора И. Б. Цейдлера. В этих уложениях нормы обычного права разделены на главы по отраслям: о буддийских кумирнях и ламах, о взыскании податей и повинностей; о порядке исполнения дел должностными лицами; о сватовстве и тяжбах, связанных с ним; о взыскании долгов, запрещении пьянства, азартных игр; о сбережении сенокосных угодий, о недопущении пожаров и т. д. В них заметно значительное влияние норм права российской государственности.

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309.

² Самоквасов Д. Я. Указ. соч.

³ Там же. С. 9.

Следующим памятником обычного права бурят является Хоринское положение 1851 г., состоящее из 19 разделов и 197 статей. Положение охватывает все стороны жизни хоринских бурят, особо необходимо отметить раздел «Об отнесении обязанностей должностными лицами по управлению хоринскими инородцами», в котором подробно расписаны обязанности и льготы всех должностных лиц местного самоуправления в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г.

Одним из последних памятников обычного права бурят является Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих, выработанное в 1860 г. и состоящее из 151 статьи¹. Положение было составлено по инициативе главного тайши кударинских бурят Заяхана Хамаганова и, как отмечает Е. М. Залкинд, «свидетельствовало об оживлении интереса к кодификации обычного права, связанного не только с трудностями и произволом при решении судебных дел, на что указывают сами его составители, но и со стремлением нойонства использовать старинные обычаи для укрепления своего положения, сильно поколебленного уже новыми процессами, протекавшими в бурятском улусе»². Далее автор пишет, что при составлении свода законов кударинских бурят были использованы своды других ведомств. На это указывают и совпадения в формулировке отдельных статей, и однотипность многих параграфов, трактующих хозяйственные или семейно-брачные отношения. Вместе с тем и по содержанию, и по структуре Положение столь существенно отличается от других сводов, что его следует рассматривать как вполне оригинальный памятник обычного права. Надо отметить, что это единственный свод, пытающийся утвердить шаманизм в качестве официального вероисповедания.

Справочные издания. Справочные издания могут быть отнесены к самостоятельным историческим источникам ввиду их информативности. Примером справочников могут послужить календари «Памятные книжки Забайкальской области» (издание

¹ Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области... // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 177–211.

² Залкинд Е. М. Новый памятник обычного права бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 212.

Забайкальского областного статистического комитета) и «Памятные книжки Иркутской области», издававшиеся в конце XIX – начале XX в. Они содержат информацию о российском государственном аппарате, структуре и личном составе правительственных и общественных учреждений Забайкальской области и Иркутской губернии, сведения об учреждениях финансового, военного, религиозного, тюремного и других ведомств, справочные и статистические данные об экономическом состоянии, о народном образовании и т. д., которые использованы нами в исследовании. Так, в календаре на 1911 г. имеется список всех дацанов Забайкальской области с именными списками ламайского духовенства¹, в календаре 1898 г. – сведения о благотворительной деятельности правления Комитета по оказанию помощи пострадавшим от наводнения 1897 г., отчеты совета Комитета по улучшению средств содержания женских гимназий и прогимназий Забайкальской области за 1895–1897 гг.², в календаре на 1895 г. – именные списки тайшей и волостных старшин Забайкальской области³ и т. д. Большой интерес для исследователей представляют аннотированные хронологические перечни событий в Забайкальской области, изложение которых начинается с 1638 г.

К справочно-статистическим источникам можно отнести ежегодные обзоры Забайкальской области⁴, дающие общее представление о составе населения по половозрастному признаку, вероисповеданию, о состоянии хозяйства.

Энциклопедические издания. Не менее важными источниками стали энциклопедические издания – «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»⁵, «Сибирская советская энциклопедия»⁶, «Историческая энциклопедия Сибири»⁷, «Энциклопедия Забайкалья. Читинская область»⁸, «Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ»⁹, «Энциклопедия Республики Хака-

¹ Памятная книжка Забайкальской области (ПКЗО) на 1911 г. Чита, 1910. С. 116–126.

² ПКЗО на 1898 г. Чита, 1897. С. 1–7.

³ ПКЗО на 1895 г. Чита, 1895. С. 1–8.

⁴ Обзоры Забайкальской области за 1896 г. Чита, 1897.

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

⁶ Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Новосибирск, 1929. 988 с.

⁷ Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Новосибирск, 2010.

⁸ Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 2 т. Новосибирск : Наука, 2000. 302 с.

⁹ Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. Новосибирск : Наука, 2009. 352 с.

сия»¹, «Бурятия. Энциклопедический справочник в двух томах»², в которых даются краткие исторические справки по разным направлениям исследования темы. Следует отметить обстоятельность Энциклопедии Республики Хакасия в освещении деятельности инородческого управления, на каждую степную думу даны достаточно информативные исторические справки.

Картографические документы. На наш взгляд, много интересных фактов о границах ведомств, месторасположении селений, улусов и урочищ, о размерах владений и т. д. можно почерпнуть из географических карт бурятских ведомств. В ГАРБ имеется фонд «Коллекция картографического материала Бурятии» за 1894–1912 гг., в котором хранятся карты Забайкальской области за 1894 г., альбом карт Баргузинского ведомства за 1901 г.³ В ходе исследовательской работы в ГАРБ нами была обнаружена карта ведомства Хоринской степной думы за 1878 г. с планом с. Онинское, Онинского миссионерского стана, а также земель, отведенных степной думой крещеным бурятам. Именно факт отведения земель крещеным бурятам нашел отражение во многих архивных документах и мемуарах миссионеров, поэтому обнаруженная карта, безусловно, дополняет и расширяет тему исследования. В фонде Главного управления Восточной Сибири нами была обнаружена карта Идинского (Боханского) ведомства за 1882 г.⁴, которая, при скудности материалов по его истории, служит дополнительным источником по истории идинских бурят.

Ценные сведения можно извлечь из опубликованных карт Забайкальской области и Иркутской губернии XIX в., начала XX в. Например, в книге П. Е. Кулакова о хозяйстве и быте бурят Ольхонского ведомства имеется карта Ольхонского ведомства⁵. Огромную источниковую ценность представляют карты, опубликованные в историко-культурном атласе Бурятии – карты расселения племен и народов Сибири в XVII в., формирования бурятской

¹ Энциклопедия Республики Хакасия. В 2 т. Т. 1. 432 с.; Т. 2. 320 с. Красноярск : Поликор, 2007.

² Бурятия : энцикл. справочник : в 2 т. Т. 2. Улан-Удэ : ЭКОС, 2011. 300 с.

³ ГАРБ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 1–4.

⁴ ГАИО. Оп. 9. Картон 2053. Д. 512. Л. 46–53.

⁵ Кулаков П. Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб., 1898.

народности, Иркутской губернии и Забайкальской области¹ и т. д. На наш взгляд, стоит отметить интересное направление в исследовательской деятельности Б. З. Нанзатова, который занимается составлением карт бурятских ведомств в XIX в.²

Фотодокументы. Фотодокументы, хранящиеся в фотофонде ГАРБ, Национального музея Республики Бурятия, Кяхтинского краеведческого музея, являются важными источниками в изучении интересующей темы. Надо отметить, что фотодокументов XIX в. по истории бурятских ведомств насчитывается незначительное количество, в основном все они введены в научный оборот. Ценность фотодокументов заключается в том, что они запечатлевают облик времени и играют немаловажную роль для выяснения достоверности описания определенного события в письменных источниках. Раскрывая исторические события в виде статических или динамических зрительных образов, фотодокумент улавливает такие детали и нюансы, присущие тому или иному явлению или событию, которые вряд ли могут быть отражены в любом другом виде источников. Из фотодокументов мы можем почерпнуть факты, неизвестные ранее, и важные данные для уточнения уже известных событий. Так, нами были исследованы фотоизображения главных тайшей кударинских бурят Заяхана Хамаганова, Ивана Заяханова, агинских бурят Жана Бодиина, хоринских бурят Ирдыни Вамбоцыренова, селенгинских бурят Вандана Жамбалтарова, баргузинских бурят Ринчина Сотиева и многих других должностных лиц местного самоуправления. Например, фотодокумент, на котором запечатлен цесаревич Николай с должностными лицами местного самоуправления Агинского ведомства на станции Туриноповоротная в июне 1891 г., позволил автору провести комплексное исследование с привлечением архивных документов ГАРФ и ГАРБ, воспоминаний современников и опубликовать его результаты³. Фотодокумент с изображением

¹ Историко-культурный атлас Бурятии. Основной том. М. : ИПЦ «Дизайн. Информатика. Картография», 2001. С. 162, 169, 212–213.

² Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903). Иркутск : Оттиск, 2012. С. 1.

³ Жалсанова Б. Ц. «... Юному побудит быть честным и верным слугою своего дорогого Отечества». Документы Национального архива Республики Бурятия о посещении цесаревичем Николаем Агинского ведомства Забайкальской области и учреждении стипендии его имени. 1890–1892 гг. // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 97–109.

Заяхана Хамаганова с сыном Иваном (конец XIX в.) также послужил поводом для исследования, в ходе которого был снят телесюжет с выездом в их сохранившийся родовой дом, в котором потомки бережно хранят такие реликвии, как сабля, кортик и именные печати, принадлежавшие Заяхану Хамаганову. По результатам исследования была опубликована статья о жизни и деятельности З. Хамаганова, выдающегося общественного и хозяйственного деятеля кударинских бурят середины XIX в.¹

Периодическая печать. К следующей группе источников относятся материалы периодической печати, которые позволяют проследить за событиями по истории органов местного самоуправления. Периодическая печать является неотъемлемой частью исторической жизни общества и государства, развивается вместе с ними. Ее ценность заключается в том, что практически все более или менее заметные процессы, происходящие в обществе, находят свое отражение на страницах периодических изданий, как, например, публикация законов, указов, циркуляров, решений правительства, губернского и областного управлений, статей разных авторов о проблемах инородцев, материалов об утверждении инородческих должностных лиц и т. д.

Сибирский регион, вплоть до середины XIX в., оставался краем, которому была известна только центральная печать. Во второй половине XIX в. периодическая печать становится мощным средством информации, появляются газеты: например, в 1857 г. начали издаваться «Иркутские губернские ведомости», в 1862 г. – «Кяхтинский листок», в 1865 г. – «Забайкальские областные ведомости», в 1882 г. – «Восточное обозрение» и т. д. В начале XX в. издавались журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский архив». Следует отметить, что материалы местной периодической печати имели как общую с общероссийской печатью направленность, так и свою специфику.

Ценные сведения нами извлечены из материалов, опубликованных на страницах газет и журналов «Байкал», «Забайкалье», «Амур», «Иркутские губернские ведомости», «Забайкальские областные ведомости», «Сибирские вопросы», «Сибирский архив»,

¹ Жалсанова Б. Ц. Заяхан Хамаганов – почетный тайша кударинских бурят // От имени народа, во имя народа. Становление и деятельность органов представительной власти в Бурятии. Улан-Удэ, 2011. С. 48–53.

«Восточное обозрение», «Иркутские епархиальные ведомости» и «Забайкальские епархиальные ведомости».

«Иркутские губернские ведомости» не отличались активным освещением инородческого вопроса, тем не менее на их страницах публиковались статьи о нравах, обычаях, верованиях, легендах и песнях бурят Иркутской губернии С. Шашкова¹, о крещении главного тайши тункинских бурят Н. А. Хамакова и других родоначальников с семействами в числе 79 человек в Торском улусе², об утверждениях в должностях инородческих начальников и об их отстранениях³. Например, приказом иркутского губернатора Носовича от 24 декабря 1884 г. № 465 главный родоначальник идинских инородцев Пирожков был отстранен от занимаемой им должности на время производства следствия о злоупотреблениях, допущенных им при исполнении своей обязанности. В газете размещалась рубрика «О вызове на суд», из которой можно почерпнуть интересные сведения о самых разных судебных делах с участием инородцев.

В газете «Амур» были опубликованы интересные материалы о проведении ярмарки в с. Агинское, при этом автор пишет о том, как купцы на ярмарках обманывают бурят. Далее он отмечает, что «буряты не так верно глупы, как об них думают, ... и в нынешнем году устроили свою хитрость». Они половину объема товаров скрыли, купцы назвали цену 5 руб. 90 коп. за пуд масла. Подъехали еще 2 покупателя – управляющий Амурской К² в Чите Крайнихников и торгующий мещанин Шмулович. В конце торгов 500 пудов масла ушло по цене 7 руб. 25 коп.

В другой статье говорится о готовности хоринских бурят к участию в военных действиях во время Отечественной войны 1812 г.: «хоринцы поднялись летом 1812 г., в апреле 1813 г. тайша получил письмо о прекращении вооружения, а в январе 1815 г. приезжал из Иркутска чиновник благодарить храброе хоринское иррегулярное войско за преданность русскому правительству и вместе с тем объяснить, что, так как за окончанием войны со славой для России в поголовном вооружении уже не предстоит надобности, то

¹ Иркут. губерн. ведомости. 1858. № 11. С. 3–5; № 12. С. 6; № 18. С. 6–7.

² Там же. 1857. 24 окт. (№ 24). С. 1–4.

³ Там же. 1885. 16 янв. (№ 3). С. 3; 1885. 16 окт. (№ 42). С. 3.

русскому правительству было бы приятно, если бы хоринцы усилили земледелие, занялись уходом за скотом и проч.»¹

В газете «Амур» от 25 апреля 1862 г. сообщается о крещении в Иркутском кафедральном соборе почетных забайкальских бурят Мурзы Хамаганова и Алексея Шангина, которые понесли значительные убытки от землетрясения: «Но и при этом положении этот добрый бурят нашел средство ознаменовать первый день новой жизни богоугодным делом, и помочь своим единоплеменникам, пострадавшим больше его. В благодарность за благодать, которой бог призвал Хамаганова к новой жизни, он пожертвовал в пользу пострадавших своих единоплеменников значительное количество хлеба, сена и других предметов, всего на сумму 950 руб. серебром»².

Газета «Байкал» также публиковала статьи о бурятах, в частности об их отношении к строительству Сибирской железной дороги: «... Буряты всегда очень неохотно уступали места под золотые приiski и вообще для всего того, что привлекает русский люд на занимаемые ими места, что тем более неминуемо с проведением железной дороги. Поэтому естественно, что буряты, вместо содействия изысканиям, по возможности старались их затруднить»³.

Из всей периодической печати Восточной Сибири XIX в. активным освещением инородческого вопроса отличалась газета «Забайкальские областные ведомости». На ее страницах постоянно публиковались приказы военного губернатора Забайкальской области об утверждениях в должности или увольнении должностных лиц инородческого управления – например, приказом от 29 февраля 1896 г. № 1126 Цыден Цыдыпов был утвержден в должности родового головы Шарайтского рода Хоринской степной думы, соответственно был освобожден от должности Намсарай Намжилов⁴; о награждениях должностных лиц местного самоуправления бурят – например, приказ от 4 апреля 1896 г. № 1984 о награждении инородческих начальников Селенгинской степной думы серебряными медалями «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте⁵, приказ от 29 апреля 1896 г.

¹ Амур. 1861. 21 янв. (№ 6). С. 3; 1862. 11 марта (№ 19). С. 3–4.

² Там же. 25 апр. (№ 30). 1862. С. 4.

³ Байкал. 1897. 9 нояб. (№ 24). С. 3.

⁴ Забайк. обл. ведомости. 1896. 8 марта (№ 10). С. 2.

⁵ Там же. 1896. 19 апр. (№ 16). С. 3.

№ 2354 об объявлении благодарности главному тайше Агинской степной думы Жану Бодиину за бездоимочное взыскание пода-тей¹, о награждении заседателя Баргузинской степной думы Цыдена Аранзаева серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте «за полезную деятельность по развитию хлебопашества»² и т. д.

«Восточное обозрение» было одной из лучших провинциальных газет, отражающей взгляды областников. Задачей газеты было дать по возможности правдивую картину жизни Востока в ее многообразных проявлениях, попытаться определить роль русской национальности на азиатском Востоке и ее общечеловеческое призвание, а также выразить нужды и потребности русского общества на окраине. На ее страницах постоянно печатались статьи о тяжелом положении сибирских инородцев. Например, в одной из статей отмечалось, что «власть тайшей и нойонов еще очень обширна, и хотя они стеснены вмешательством русских чиновников, но при условии дружбы с последними, делают с инородцами, что хотят»³. Или же в статье «Бурятское дело» автор пишет, что «отношения бурятских тайшей к простым бурятам напоминают крепостное право в форме старинной исторической сибирской кабалы»⁴.

Особо надо отметить журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский наблюдатель» и «Сибирский архив», на страницах которых рассматривались основные аспекты инородческого вопроса: место сибирских инородцев в аграрной, административной и церковной политике российского государства. Журнал «Сибирские вопросы» издавался в 1906–1912 гг., и, несмотря на еженедельный характер издания, его материалы сохраняли серьезную аналитическую направленность. Например, в «Сибирских вопросах» в 1906–1909 гг. были опубликованы статьи М. Богданова о земельном вопросе бурят, В. Григорьева о поземельном устройстве инородцев Сибири, Ц. Жамцарано о правосознании бурят,

¹ Забайк. обл. ведомости. 1896. 3 мая (№ 18). С. 3.

² Приказ и. д. Приамурского генерал-губернатора от октября 1891. № 4234 // Забайк. обл. ведомости. 1892. 3 янв. (№ 1). С. 1.

³ Вост. обозрение. 1883. № 37.

⁴ Там же. 1884. № 27.

Д. Клеменца о кочевом быте сибирских инородцев, В. Моравского об инородческом образовании в Сибири¹ и т. д.

На наш взгляд, публикации журнала о решении инородческого вопроса с учетом национальных особенностей населения шли вразрез с официальной политикой Российского государства, направленной на русификацию сибирских инородцев. Публикации журнала поднимали актуальные вопросы землеустройства, связанные с введением в Сибири земства и представительством аборигенного населения в Государственной Думе. Так, публицисты умеренно-либерального направления (Ю. Г. Горбатовский, А. Максимов, В. К. Никольский), чья позиция была представлена на страницах «Сибирского наблюдателя», в целом соглашались с необходимостью приобщения кочевых инородцев к земледелию и проведения землеустройства на общих с крестьянами основаниях. Авторский коллектив журнала «Сибирские вопросы» (в частности, М. Н. Богданов, Д. А. Клеменц, Н. Н. Козьмин и др.) находился в жесткой оппозиции к правительственному курсу, требовал пересмотра государственной землеустроительной политики, считая, что в своем нынешнем варианте ее осуществление приведет к разорению как инородцев, так и крестьян-переселенцев².

В журнале «Сибирский архив», издававшемся в г. Минусинске, выходили статьи В. А. Ватина об эпохе Н. И. Трескина в Восточной Сибири, оценках его деятельности В. Вагиным, А. П. Щаповым, М. М. Сперанским, о результатах сенаторской ревизии 1843 г. в Енисейской губернии, И. Я. Чибизева об инородцах Енисейской губернии в начале XIX в.³, путевые записки о поездке по Тункин-

¹ Богданов М. Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопр. 1908. № 31–32; Он же. К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопр. 1908. № 39–40. С. 35–46; Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири // Сибирские вопр. 1906. № 2. С. 55–74; Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопр. 1906. № 2. С. 167–185; Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопр. 1908. № 49–52; Моравский В. Инородческое образование в Сибири // Сибирские вопр. 1909. № 28. С. 11–14.

² Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. Омск, 2008. С. 8.

³ Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX в. // Сиб. архив. 1916. Март–апрель (№ 3–4). С. 97–156; Он же. Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX в. // Сиб. архив. 1915. Февраль (№ 2). С. 61–72; Чибизев И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сиб. архив. 1914. Сент. (№ 9). С. 379–390.

скому краю В. Загорского¹ и других авторов, представляющие огромный интерес для нашей работы.

Особое место среди изданий Восточной Сибири XIX в. занимают «Иркутские епархиальные ведомости» (ИЕВ) и «Забайкальские епархиальные ведомости» (ЗЕВ), которые мы считаем ценнейшим источником по истории бурятских ведомств. «Иркутские епархиальные ведомости» были официальным органом Иркутской духовной епархии и издавались в 1863–1917 гг. Журнал сыграл важную роль в популяризации среди русской читающей публики деятельности Иркутской епархии по миссионерской деятельности среди инородческого населения Восточной Сибири. Следует отметить, что абсолютное большинство документов издавалось на страницах «Прибавлений к ИЕВ».

Сибирская мемуаристика. Ценным источником по истории местного самоуправления сибирских народов является сибирская мемуаристика, представленная воспоминаниями, дневниками, путевыми записками. Исходя из их особой источниковой ценности, нами выделен отдельный параграф, посвященный сибирской мемуаристике.

Архивные документы являются основными источниками по теме исследования. Особую ценность имеют сборник документов по истории Бурятии XVII в., составленный Г. Н. Румянцевым и С. Г. Окунь²; сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в. под редакцией и с примечаниями В. П. Гирченко³ и хрестоматия по истории Бурятии, охватывающая период с древнейших времен до 1917 г.⁴ Материалы и документы сборников позволяют исследовать социально-экономическое и культурное развитие Бурятии, однако в них мало архивных документов, свидетельствующих об основных направлениях деятельности органов местного самоуправления бурят.

В последние годы после длительного перерыва, последовавшего с издания последнего сборника документов, появились публикации архивных документов по рассматриваемой теме. В

¹ Загорский В. По Тункинскому краю // Сиб. архив. 1916. Март-апрель (№ 3–4). С. 173–187.

² Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 / сост. Г. Н. Румянцевым, С. Г. Окунь. 493 с.

³ Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX века. Вып. 1 / под ред. и с прим. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926. 42 с.

⁴ Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы...

2010 г. вышел сборник документов по истории Кударинской степной думы, который явился первым пофондовым изданием сборника документов дореволюционного периода Бурятии научного типа¹. В него было включено 94 документа в хронологической последовательности, позволяющих полнее раскрыть деятельность местного самоуправления кударинских бурят в 1825–1903 гг. Кроме документов в сборнике опубликованы комментарии к документам и тематический перечень из 797 документов. Ценность издания заключается в широком изучении и вводе в научный оборот целого комплекса архивных источников, способствующих расширению источниковой базы по истории местного самоуправления бурят.

Значительный источниковый материал представлен в публикации «История Ольхонской степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия»², в которой дается историческая справка о деятельности учреждения за 1824–1890 гг. и тематический перечень фонда Ольхонской степной думы, включающий в себя 714 документов.

Продолжением серии публикаций по истории степных дум явилось издание в 2012 г. пофондового сборника документов научного типа «История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия»³, в который вошли 106 документов фонда Баргузинской степной думы, дающих ценный фактический материал по истории Баргузинского ведомства. К документам были составлены 109 комментариев, в которые включены материалы Баргузинских летописей, публикаций исследователей и комплекс архивных документов, не вошедший в сборник. Издание позволяет на примере истории одной степной думы рассматривать вопросы становления и развития органов местного самоуправления всех бурятских ведомств.

Основным источником для монографии являются неопубликованные архивные документы разных архивов: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного ар-

¹ История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903) / автор-сост. Б. Ц. Жалсанова. Улан-Удэ : Новапринт, 2010. 248 с.

² История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1824–1890) / сост. Б. Ц. Жалсанова, О. И. Прокопьева, А. Т. Дадаева. Улан-Удэ : Новапринт, 2010. 120 с.

³ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Указ. соч.

хива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ).

В ходе работы над монографией нами также был изучен состав архивных документов по истории бурят Российского государственного исторического архива (РГИА) и Архива института этнографии в Санкт-Петербурге по перечню документов, составленному Диттмаром Шорковитцем¹. Перечень состоит из 3443 заголовков дел и документов с аннотациями, входящих в 1696 фондов данных архивов. Интерес представляют ежегодные отчеты генерал-губернаторов Восточной Сибири, губернаторов Иркутской губернии, Забайкальской области (фонды 1276, 1281, 1284), проекты степных законов бурят Иркутской губернии за 1823 г. (фонд 1264), сведения о награждениях родоначальников и т. д. Основной материал этих архивов был впервые введен в научный оборот и широко представлен в работах Л. М. Дамешека².

В Российском государственном архиве древних актов был рассмотрен фонд 199, опись 2 «Портфели Миллера», портфель «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов Иркутской провинции в Сибири в нынешнем их положении, летом 1735 г.», портфель № 526, часть 2, дело 2 «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда, Иркутской губернии в Сибири» и другие, дающие представление о состоянии Иркутской губернии в XVIII в.

Интерес для исследователей истории воинской повинности бурят в начале XX в. представляет фонд 1233 «Заведующий Архангельской инородческой дружиной», хранящийся в Государственном архиве Архангельской области. В фонде имеются документы о реквизиции бурят на тыловые работы во время Первой мировой войны, деятельности бурятской общественности по поддержке реквизируемых бурят и т. д. В ходе работы с документами фонда от Государственного архива Архангельской области нами были получены их копии, которые, в комплексе с вос-

¹ Шорковитц Диттмар. Этноисторические документы по калмыкам, бурятам и монголам Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и Архива Института этнографии в Ленинграде. Берлин, 1988. 278 с.

² Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983. 137 с.; Он же. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1986. 165 с.

поминаниями о реквизированных бурятах, фотодокументами, материалами периодической печати, позволили автору сформировать новый фонд в Государственном архиве Республики Бурятия – ф. р. 2104 «Коллекция документов по истории реквизиции бурят в годы I мировой войны (1916–1917, 1998–1999, 2007 гг.)», включающий в себя 31 дело. Безусловно, интересными для изучения являются сведения о деятельности бурятских органов местного самоуправления по подготовке к отправлению бурят на тыловые работы, по сбору средств и теплой одежды для них; именные списки реквизированных бурят; донесения начальников о тяжелых условиях работы и быта бурят, об их массовых заболеваниях и т. д.

Особое внимание для исследования привлекают пять фондов в Государственном архиве Забайкальского края, в которых сосредоточен обширный комплекс документов по истории органов местного самоуправления тунгусов и бурят Восточного Забайкалья.

1. В фонде 1 «Забайкальское областное правление» (1851–1917) хранится 26 300 дел, часть которых связана с историей бурятских и тунгусских инородческих ведомств. Это прежде всего делопроизводственные документы общераспорядительного, политического, тюремного, сельскохозяйственного, строительного, врачебного, ветеринарного отделов; отчеты о состоянии ведомств, отдельные разделы которых содержат сведения о количественном и качественном составе населения, состоянии хозяйства, народного образования и здравоохранения и др.

В фонде хранятся отчеты инородческих ведомств Забайкальской области, статистические сведения о населении Забайкальской области, об утверждении должностных лиц, ревизские сказки всех бурятских ведомств за 1831, 1851 и 1858 гг., следственные дела по обвинению главных тайшей Сахара Хамнаева, Дмитрия Минеева, Тарбы Жигжитова и других, материалы о ламах, дацанах, отчеты об имуществе дацанов, формулярные списки переводчиков Цокто Бадмажапова, Раднажап Бимбаева и Буда Рабданова, главных тайшей Ирдыни Дансорунова, Тугултур Тобоева и других, Пандито Хамбо-лам и т. д., содержащие интересную информацию. Например, в формулярном списке Тарба Жигжитова, главного тайши Хоринской степной думы, отмечается, что в 1835–1837 гг. он воспитывался в Петровском Заводе в доме у коменданта Нерчинских рудников генерал-лейтенанта С. Р. Лепарского, известного

своим добрым отношением к декабристам. Образование получил в Троицкосавской русско-монгольской школе¹. Кроме того, в фонде много дел по земельным тяжбам агинских и хоринских бурят, урульгинских тунгусов, армакских бурят и тунгусов.

Интерес представляют документы о праве собственности бурят и тунгусов на свои земли, начиная с заверенных копий указов Петра и Ивана Алексеевичей 1697 г., Петра Великого 1703 г. и т. д. Законодательная база в отношении прав собственности на земли хоринских бурят, историография вопроса рассмотрены в «Объяснительной записке по вопросу о праве собственности хоринских бурят Хоринского и Агинского ведомств», написанной и поданной П. А. Бадмаевым 28 мая 1892 г. А. Н. Куломзину.

Уникальным документом фонда является Положение о степных законах и обычаях кударинских бурят 1860 г., последний известный памятник обычного права бурят. Памятник был обнаружен и опубликован И. А. Асалхановым.

2. Дополнением к документам фонда 129 «Агинская степная дума» Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) являются 58 дел фонда 284 «Агинская степная дума (1830–1917)» ГАЗК. Это общественные приговоры Агинской степной думы за 1877–1881, 1886–1887, 1902–1903 гг., сведения о происшествиях за 1886 г., ревизские сказки хоринских бурят за 1831 г. и др.

3. Фонды тунгусских органов местного самоуправления, хранящиеся в ГАЗК, содержат значительный набор делопроизводственных документов, позволивших провести сравнительные исследования тунгусских обществ Западного и Восточного Забайкалья. В ГАЗК хранится фонд 55 Урульгинской тунгусской степной думы (1823–1896), состоящий из 520 единиц хранения. Фонд является полноценным, в нем представлены документы, раскрывающие административную и хозяйственную деятельность Урульгинской степной думы практически за весь хронологический период ее функционирования. Для фонда характерны ежегодные отчеты, ведомости думы, сведения о налогах, о крещении тунгусов, имеются заверенные копии с указов российских царей о награждении Гантимуровых княжеским титулом, об их льготах, о праве на земли, занимаемые ими, послужные списки князей Гантимуровых и т. д.

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–3.

4. Фонд 29 Урульгинской тунгусской инородной управы из 386 дел за 1822–1899 гг. представлен ежегодными отчетами управы, общественными приговорами о выборах должностных лиц, сведениями о происшествиях. В фонде имеются формулярные списки Никандра Иванова, родового старосты Дулигарского рода, Диониса Лиханова, родового старосты Почегорского рода и др.¹

5. Ранний период истории забайкальских тунгусов отражен в фонде 300 «Начальник эвенкийских родов» за 1752–1822 гг. В фонде числится 38 дел, среди которых дела о земельных спорах тунгусов за 1752–1779 гг.; списки шуленг; сведения о сборе ясака. Указы Нерчинского нижнего земского суда от 8 января 1816 г. о нечинении особого денежного сбора с обществ за составление ревизских сказок, о доставлении в Онинскую братскую контору девицы Марфы Лосевой от 28 января 1816 г., о строгом надзоре за состоянием хлеба в экономических магазинах² и другие, рапорты старшин родов начальнику тунгусских родов дают представление о взаимодействии органов местного самоуправления тунгусов с вышестоящим начальством, о деятельности начальника тунгусских родов и старшин родов по управлению тунгусским обществом в указанный период.

Важными источниками в работе стали следующие фонды Государственного архива Иркутской области:

1. Фонд 24 «Главное управление Восточной Сибири» (ГУВС) – 29 153 дела за 1822–1887 гг. Главное управление Восточной Сибири являлось центральным административным органом управления Восточной Сибирью в 1822–1887 гг., в которую входили Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область. В ГУВС была сосредоточена вся административная власть по управлению экономикой, хозяйством, строительством, связью, образованием в Восточной Сибири, оно занималось решением военных вопросов в пограничных районах, в том числе управлением инородцами, поэтому фонд богат интересными документами: всеподданнейшие отчеты по управлению Восточной Сибирью, отчеты о состоянии Забайкальской области, отчеты о состоянии Иркутской губернии, о выборах и утверждении родоначальников, прошения инородцев по разным вопросам и т. д. Непосредственно инородцев касаются

¹ ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.

² ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–22, 36–37.

дела по описи № 6 – 2257 д. за 1840–1885 гг., описи № 10 – 1028 д. за 1833–1885 гг., описи № 9 – 1518 д. за 1852–1886 гг.

2. Фонд 29 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора» – 1385 дел за 1859–1911 гг. Фонд поступил на хранение в Канцелярию иркутского генерал-губернатора в августе 1906 г. и содержит дела по Забайкальской области за 1884–1906 гг., когда область находилась в ведении Приамурского генерал-губернаторства. С целью подбора документов с их последующим приемом и пересылкой из г. Иркутск в г. Хабаровск был направлен чиновник особых поручений¹. В 1920 г. фонд поступил на государственное хранение в Государственный архив Иркутской области в неразобранном виде. После усовершенствования фонд состоит из двух описей и нескольких делопроизводств.

Документы фонда представляют огромный интерес для исследователей истории Забайкальской области за указанный период, в частности истории бурятских и тунгусских обществ. Например, в 30 с лишним делах имеются интересные сведения об управлении инородцев, в 20 делах – о состоянии и распространении ламаизма среди инородцев, во многих делах есть данные о податной системе инородцев, об их земельных тяжбах и т. д.

3. Фонд 151 «Ленская инородная управа» – 847 дел за 1837–1916 гг. Фонд представлен документами о сборе податей и повинностей, земельных угодьях, торгово-промышленных заведениях, статистическими сведениями о населении, населенных пунктах, мирскими приговорами. Интересными для исследования являются указы Иркутского губернского правления «О пресечении денежных сборов с обществ на содержание инородцев» от 7 апреля 1843 г., «О пресечении денежных сборов, производимых с обществ, на содержание инородцев во время съезда их по разным общественным делам на свои собрания или сугланы» от мая 1843 г.², которые регламентировали порядок сбора налогов на внутреннее управление.

4. Фонд 152 «Хенхедурское родовое управление» – 254 дел за 1844–1919 гг. Хенхедурское родовое управление входило в состав Ленской инородной управы и в основном представлено документами о сборе податей и повинностей и взыскании недоимок по ним.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1733. Л. 6–7об.

² ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 17а. Т. 2. Л. 29–29об.

5. Фонд 223 «Верхоленская степная дума» – 5 дел за 1821–1883 гг. В фонде имеются документы о земельных угодьях и спорных землях, осмотре границ и их межевании, взыскании с бурят хлебной недоимки.

6. Фонд 224 «Родоначальник 11 аларских родов Аларского бурятского ведомства Иркутской губернии» – 1 дело за 1867–1869 гг.

7. Фонд 237 «Идинская степная дума» – 1 дело за 1857 г. (списки жителей ведомства).

8. Фонд 534 «Кантора главного тайши Балаганского ведомства» – 5 дел за 1775–1803 гг. Кантора главного шуленги была учреждена в 1775 г. и переименована в Кантору главного тайши Балаганского ведомства в 1795 г. Ценность фонда заключается в том, что здесь представлены документы за ранний период истории балаганских бурят, это указы, постановления нижнего суда, главного шуленги и главного тайши о землевладении и землепользовании, сведения о злоупотреблениях родовых шуленг, взыскании недоимок, розыске отлучившихся из ведомства бурят и др.

9. Фонд 715 «Аларская степная дума» – 25 дел за 1851–1888 гг. В фонде имеются документы о сборах податей и повинностей, ведомости о хлебопашестве и скотоводстве, мирские приговоры, а также подворные списки Хигинского родового управления за 1881–1883 гг.

10. Фонд 149 «Китойская инородная управа» – 135 дел за 1877–1918 гг. Фонд в основном представлен документами о сборе податей и повинностей, статистическими сведениями о населении и населенных пунктах, ведомостями о мукомольных мельницах. Безусловную ценность имеют общественные приговоры о выборах должностных лиц¹, метрические книги лиц шаманской веры за 1877 г.², посемейные списки Китойского ведомства за 1899 г. и 1907 г.³ и др.

11. Фонд 717 «Балаганская степная дума» – 2 дела за 1851–1888 гг.

12. Фонд 295 «Личный фонд Ядринцева Николая Михайловича» – 143 дела за 1870–1894 гг. Фонд содержит материалы о переселении русского оседлого населения в Алтае, о хозяйственной жизни сибирских крестьян и т. д. Особую ценность для исследо-

¹ ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5, 11.

² ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 4.

³ ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 27, 65.

вания имеют рукописи его статей о посещении «ламайского епископа», о М. М. Сперанском, о Сибирском провинциальном вопросе и др. В своих статьях Ядринцев пишет о том, что Сибирь надо рассматривать как колонию не только с точки зрения «территории, предназначенной принимать избыточное население, как путь для транзитной торговли Азии с Россией, как лицо для эксплуатации различных произведений, могущих обеспечить метрополию, как территории, могущей увеличить и усилить могущество государства и служить лучшим орудием для международных отношений». Прежде всего, по мнению Н. М. Ядринцева, Сибирь должна рассматриваться с точки зрения внутренней жизни колонии, интересов местного колониального населения, «поднятия его благосостояния, его развития и преуспения»¹.

13. Фонд 609 «Личный фонд Серебренникова Ивана Иннокентьевича» – 110 дел за 1906–1919 гг. В фонде хранятся дневники, рукописи статей, выписки и т. д. Интерес для исследователей представляет рукопись его работы «Буряты, их состав и занятия (по данным переписи 1897 г.)» с посвящением «дорогому Цыбену Жамцарано»².

Особую источниковую ценность для работы имеют фонды тунгусских органов местного самоуправления Иркутской губернии, хранящиеся в ГАИО: фонд 150 «Киренско-Хандинская эвенкийская инородная управа Киренского уезда» – 50 дел за 1812–1875 гг., фонд 461 «Нижнеилимская эвенкийская инородная управа Киренского уезда» – 35 дел за 1817–1883 гг., фонд 148 «Очеульская эвенкийская инородная управа Верхоленского уезда», фонд 387 «Тутурская инородная управа» за 1813–1858 гг. Фонды в основном содержат отчеты управ о состоянии ведомств, статистические сведения о населении, ведомости о стойбищах и родовых управлениях.

Основным ценным источником для изучения истории системы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. является богатейший комплекс документов, хранящийся в Государственном архиве Республики Бурятия: 11 фондов степных дум, 21 фонд инородных управ и 11 фондов родовых управлений, насчитывающих в общей сложности более 37 000 дел. К сожалению исследователей, не сохранился фонд Идинской степной думы, который,

¹ ГАИО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 65. Л. 17–17об.

² ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 18.

по данным Е. М. Залкинда, полностью сгорел¹. Не сохранились до наших дней архивы Закаменской, Армакской, Капсальской инородных управ, поэтому сведения об этих ведомствах нами извлечены из косвенных источников. Самыми богатыми по количеству и содержанию документов являются фонды Селенгинской, Агинской, Баргузинской, Кудинской, Верхоленской и Балаганской степных дум. Фонды Кударинской, Аларской и Ольхонской степных дум насчитывают незначительное количество дел, а фонд Тункинской степной думы из-за случившегося пожара, в котором сгорела вся документация за первую половину XIX в., насчитывает всего 340 дел. Самое большое Хоринское ведомство, в котором числилось 14 инородных управ и 108 родовых управлений, не сохранило свой архив, и мы сегодня располагаем фондом, состоящим в основном из дел Галзутской инородной управы.

В ГАРБ были исследованы *фонды 11 бурятских степных дум:*

- 1) фонд 6 «Аларская степная дума» (1832–1912) – 1243 дела,
- 2) фонд 3 «Балаганская степная дума» (1809–1902) – 2063 дела,
- 3) фонд 4 «Верхоленская степная дума» (1821–1919) – 2078 дел,
- 4) фонд 1 «Кудинская степная дума» (1789–1898) – 3833 дела,
- 5) фонд 12 «Ольхонская степная дума» (1816–1894) – 1142 дела,
- 6) фонд 171 «Тункинская степная дума» (1844–1896) – 340 дел,
- 7) фонд 129 «Агинская степная дума» (1846–1909) – 5165 дел,
- 8) фонд 7 «Баргузинская степная дума» (1810–1902) – 2976 дел,
- 9) фонд 5 «Кударинская степная дума» (1809–1904) – 1527 дел,
- 10) фонд 2 «Селенгинская степная дума» (1825–1914) – 6531 дело,
- 11) фонд 8 «Хоринская степная дума» (1743–1904) – 2719 дел.

Фонды 10 бурятских инородных управ Забайкальской области:

- 1) фонд 293 «Барун-Хоацайская инородная управа» (1874–1904) – 89 дел,
- 2) фонд 369 «Бырке-Цугольская инородная управа» (1830–1906) – 91 дело,
- 3) фонд 253 «Галзутская инородная управа» (1821–1884) – 10 дел,
- 4) фонд 103 «Кялинская инородная управа» (1851–1904) – 236 дел,
- 5) фонд 104 «Могойтуйская инородная управа» (1840–1903) – 79 дел,
- 6) фонд 294 «Тутхалтуевская инородная управа» (1855–1902) – 486 дел,
- 7) фонд 178 «Тургинская инородная управа» (1850–1903) – 560 дел,

¹ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половине XIX века. М. : Наука, 1970. С. 13.

- 8) фонд 272 «Цугольская инородная управа» (1842–1904) – 178 дел,
- 9) фонд 291 «Челутаевская инородная управа» (1860–1903) – 436 дел,
- 10) фонд 427 «Агинская инородная управа» (1806–1916) – 253 дела.

Фонды 11 бурятских инородных управ Иркутской губернии:

- 1) фонд 15 «Абаганатская инородная управа» (1890–1912) – 167 дел,
- 2) фонд 17 «Аларская инородная управа» (1890–1915) – 679 дел,
- 3) фонд 345 «Койморская инородная управа» (1891–1914) – 181 дело,
- 4) фонд 13 «Кудинская инородная управа» (1890–1907) – 583 дела,
- 5) фонд 465 «Кутульская инородная управа» (1890–1916) – 373 дела,
- 6) фонд 184 «Ользоновская инородная управа» (1887–1913) – 583 дела,
- 7) фонд 252 «Торская инородная управа» (1868–1917) – 26 дел,
- 8) фонд 161 «Тункинская инородная управа» (1845–1893) – 136 дел,
- 9) фонд 16 «Унгинская инородная управа» (1848–1916) – 629 дел,
- 10) фонд «Харибятская инородная управа» (1883–1922) – 778 дел,
- 11) фонд 18 «Хоготовская инородная управа» (1822–1915) – 477 дел.

Фонды 11 бурятских родовых управлений:

- 1) фонд 41 «1-е Абаганатское родовое управление» (1872–1902) – 43 дела,
- 2) фонд 40 «2-е Абаганатское родовое управление» (1876–1899) – 50 дел,
- 3) фонд 37 «3-е Абаганатское родовое управление» (1864–1915) – 192 дела,
- 4) фонд 42 «4-е Абаганатское родовое управление» (1871–1906) – 127 дел,
- 5) фонд 38 «Абазаевское родовое управление» (1850–1885) – 264 дела,
- 6) фонд 118 «Осинское родовое управление» (1892–1920) – 46 дел,
- 7) фонд 47 «Сарминское родовое управление» (1872–1887) – 22 дела,
- 8) фонд 43 «Семисосенское родовое управление» (1873–1887) – 15 дел,
- 9) фонд 39 «Хигинское родовое управление» (1867–1889) – 270 дел,
- 10) фонд 49 «Чернорудское родовое управление» (1873–1887) – 14 дел,
- 11) фонд 46 «Шалотское родовое управление» (1840–1904) – 211 дел.

Кроме перечисленных фондов нами были исследованы фонды пяти бурятских степных контор, органов местного самоуправления, существовавших до издания Устава 1822 г.: Балаганской, Верхоленской, Кударинской, Кудинской и Ольхонской, всего 392 дела за 1782–1824 гг. Документы фондов дают представление об административной и хозяйственной деятельности степных контор, о судопроизводстве и т. д. В ходе своей работы, несмотря на

большое количество дел и зачастую на их неудовлетворительное состояние, с учетом их значимости мы стремились максимально изучить все фонды.

Особый интерес представляет одно дело Верховенской степной конторы, в котором подшиты все законодательные и правовые акты, действовавшие в отношении бурят до учреждения Устава об управлении инородцев 1822 г.: это Манифест Екатерины II от 19 марта 1775 г., указ Иркутского земского суда 1809 г. «О правилах, как обязаны старшины иноверцев и поселян чинить расправу над подчиненными и воздерживать их от пороков и преступлений», «Положение о выборах иноверческих начальников и о правах их» от 1812 г. и т. д.¹

Фонды бурятских степных дум, инородных управ и родовых управлений в основном представлены делопроизводственными документами, которые характеризуются своей масштабностью и разнообразием. Делопроизводственные материалы в отечественной историографии определяются как вид исторических источников, функцией которых является документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, вотчинное делопроизводство, делопроизводство акционерных компаний и т. д.)². В нашем исследовании делопроизводственные документы рассматриваются как вид исторических источников, которые содержат интересные сведения об административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности органов местного самоуправления бурят. Хронологически фонды охватывают период с конца XVIII в. по 1917 г., и надо отметить, что в фондах имеются также дела степных контор за период с конца XVIII в. до начала XIX в. и документы инородческих волостных правлений начала XX в.

Делопроизводство XVIII–XIX в. имело свои особенности, связанные с тем, что с расширением управленческого государственного аппарата возрастало значение делопроизводства и его важнейшие основы утверждались в законодательном порядке. Важное значение для делопроизводства имело издание Генерального

¹ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118.

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 392.

регламента от 28 февраля 1720 г., основополагающего документа, определившего систему делопроизводства до 1917 г. Впоследствии на протяжении XVIII–XIX вв. издавались законодательные акты, устанавливавшие формуляры документов отдельных разновидностей. Например, 11 января 1721 г. был издан «Регламент, или Устав Главного магистрата», к которому прилагались формы ведомостей, рапортов и т. д. Все эти указы строго регламентировали делопроизводство и нашли свое отражение в документах органов местного самоуправления бурят в указанный период.

Временем лучшего оформления делопроизводства органов местного самоуправления является вторая половина XIX в. Документы этого периода отличаются видовым разнообразием, грамотным составлением, хорошим почерком по сравнению с делопроизводством первой половины XIX в. Исследователи в основном выделяют три группы делопроизводственной документации по происхождению: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) просительные документы¹.

Переписка – самая распространенная делопроизводственная документация и представлена разными видами документов. Так, переписка вышестоящих органов с нижестоящими содержит указы, предписания, распоряжения, приказы, циркуляры генерал-губернатора Восточной Сибири, Главного управления Восточной Сибири, губернаторов Иркутской губернии и Забайкальской области, окружных начальников в отношении подчиненных бурятских ведомств.

Следующую группу представляет делопроизводственная переписка учреждений одного уровня в виде писем-отношений. В фондах имеется много отношений, написанных степными думами и волостными правлениями по спорным вопросам, связанным с потравой скота, сенокосными угодьями, дачными земельными участками и т. д.

Третья группа переписки – это документы переписки нижестоящих учреждений с вышестоящими в виде рапортов и донесений, сюда же можно включить все отчеты бурятских ведомств.

Внутренние документы представлены приказами и предписаниями органов местного самоуправления, общественными приговорами сугланов, договорами и контрактами на содержание

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. С. 395.

оброчных статей, обывательской гоньбы, ведомостями о сборе податей и отбывании повинностей, именными списками жителей ведомства – налогоплательщиков и т. д.

Прошения и жалобы частных лиц в государственные учреждения, органы местного самоуправления также составляют значительную долю в фондах бурятских органов местного самоуправления, в основном это жалобы на действия определенных лиц, в том числе и должностных, в отношении спорных вопросов по хозяйственным, исковым делам и т. д. Прошения зачастую служили основанием для многолетних разбирательств, превращаясь в громоздкие дела, затрудняющие делопроизводство.

Ввиду многообразия делопроизводственных документов по происхождению и содержанию целесообразным для исследования, на наш взгляд, является систематизация делопроизводственных документов по содержанию:

- 1) документы распорядительного характера;
- 2) документы отчетно-исполнительного характера;
- 3) протокольный вид делопроизводственных документов;
- 4) докладные виды документов;
- 5) следственные дела;
- 6) учетные документы (ревизские сказки, подворные списки);
- 7) формуляры, послужные списки должностных лиц;
- 8) учетные документы внутреннего документопотока (журналы регистрации исходящей и входящей документации).

Документы распорядительного характера представлены указами, приказами, распоряжениями, наставлениями, инструкциями вышестоящих органов подчиненным им учреждениям, которые регламентировали повседневный круг прав и обязанностей степной думы, должностных лиц и содержали в себе массу первичной информации. Это предписания о сборе податей и повинностей, предоставлении отчетности, распространении земледелия, принятии мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначении выборов, утверждении должностных лиц и т. д. Схема нисходящего документооборота была проста: в степную думу направлялись распорядительные документы от вышестоящего начальства, а степная дума копировала их и направляла родовым управлениям для ознакомления и исполнения. Так, например, указ Верхнеудинского земского суда Кударинской степ-

ной думе, запрещающий инородцам вывозить молочное вино за пределы своих ведомств для продажи, от 29 августа 1830 г.¹, предписание военного губернатора Забайкальской области об объявлении бурятам о недопустимости излишних сборов денег, кроме утвержденных высшим начальством² и др.

Документы отчетно-исполнительного характера определяли отношения подчиненных с начальством и представлены отчетами и рапортами. Отчетная документация является особенным видом делопроизводственных документов, содержащих основную информацию о жизнедеятельности бурятских обществ. Ежегодные отчеты степных дум и инородных управ составлялись должностными лицами местного самоуправления в двух экземплярах, один из которых направлялся в вышестоящие инстанции, а второй оставался в делопроизводстве. Отчеты обычно состояли из двух частей – статистической и текстовой, каждая из которых имела свой определенный формуляр.

Статистический отчет содержит несколько таблиц, в которых излагались данные о количестве населения, социальной структуре, вероисповедании, состоянии народного продовольствия, состоянии промышленности и т. д. К таблицам прилагались комментарии и примечания. Так, огромный фактический материал дается в ведомостях Баргузинской степной думы о состоянии народонаселения, зверопромышленности, добытой рыбе, произведенных промышленных приобретениях и поступивших в продажу, об оборотах на ярмарке, о посеве и урожае хлеба, овощей и плодов, количестве разного рода скота, о хлебных запасах и продовольствии, денежных сборах на отправление разных повинностей и т. д.³

Весьма ценными материалами являются текстовые приложения, в которых тайши и другие должностные лица излагали сведения о состоянии нравственности, народного просвещения и здоровья, общественного призрения, местной администрации, судопроизводства. Они дают возможность исследовать динамику экономического и социального развития бурятского общества по тематическому и хронологическому принципу.

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 89–90.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 627–629. Л. 154–154об.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2370. Л. 9–37.

Текстовые отчеты также составлялись по определенному формуляру, так, отчет Кударинской степной думы за 1870 г. состоит из 8 пунктов: 1) народное хозяйство и экономическая деятельность населения, где дается характеристика хозяйственной деятельности ведомства; 2) подати и повинности – даются сведения о недоимках государственных податей и повинностей и причинах допущенной недоимки; 3) общественное благоустройство и благочиние – приводятся данные об общественных учреждениях, состоянии дорог, мостов по ведомству; 4) народное здравие – о состоянии здоровья населения, эпидемических болезнях; 5) народное образование – о наличии образовательных учреждений; 6) земские и сословные учреждения, в котором имеются сведения о степной думе, родовых управлениях, должностных лицах местного самоуправления; 7) административные и судебные учреждения; 8) общие заключения и предположения, в которых даются выводы о состоянии ведомства.

К текстовому отчету имелись пространные приложения с цифровыми данными о состоянии земледелия, обеспечении народным продовольствием, промыслах населения и т. д. Например, отмечается, что общее число жителей составляет 2438 душ мужского пола, 2502 души женского пола, всего 4940 душ, число родившихся в 1870 г. 141, умерших – 79, к 1 января 1871 г. состоит в недоимке за жителями ведомства 4259 руб. 95 ½ коп.¹

К важным видам отчетной документации относятся документы податно-налоговой системы, которые состояли из следующих видов ведомостей: 1) ведомость о количестве налогоплательщиков с указанием общей суммы подлежащих к сбору денег по налогам и повинностям, разбитая на первую и вторую половину года; 2) ведомость о количестве налогоплательщиков с указанием конкретных видов налогов и повинностей в денежном выражении; 3) ежемесячные ведомости; 4) ведомость о сборе денег на внутренние повинности (содержание местной администрации, тюрем, приходских школ, учащихся и т. д.); 5) ведомость о недоимках; 6) ведомость о сдаче собранных налогов в казначейство.

Рапорт, как вид отчетно-исполнительской документации, являлся формой отношений должностных лиц и учреждений с вышестоящим начальством. Составлялся от нижестоящей ин-

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 893–894. Л. 64–73.

станции к вышестоящей и назывался по-разному: «рапорт», «покорный рапорт», «покорнейший рапорт». При рапорте могли посылаться отчеты и ведомости, общественные приговоры, другие документы, отправляться лица, подозреваемые в преступлениях, истцы и ответчики. Формуляр рапорта очень прост: в начальный протокол входили адресат (должностное лицо или учреждение), дата, номер исходящего документа; адресант: «из Баргузинской степной думы»; обозначение разновидности документа: «рапорт», «покорнейший рапорт». В основную часть документа входило изложение обстоятельств дела, также могла содержаться просьба к начальству. Конечный протокол содержал: дату, подпись или печать, иногда конечный протокол мог отсутствовать.

Протокольный вид делопроизводственных документов представлен общественными приговорами (решениями) сугланов при степной думе и родовых управлениях, представляющих особую ценность. Они дают огромный фактический материал о хозяйственной и административной деятельности органов местного самоуправления, повседневной жизни бурятского общества. Общественным приговором решались вопросы о раскладке податей и повинностей, сборах на содержание местного самоуправления, вопросы выборов должностных лиц местной администрации. Общественные приговоры оформлялись по определенному формуляру и состояли в основном из трех частей:

а) преамбулы, вступительной части, которая имела определенную форму, где указывалось на дату, место проведения собрания, его кворум, повестку, и беспрекословно соблюдалась во всех ведомствах. Так выглядит примерная преамбула общественного приговора: «1866 года июля 9-го дня мы, нижеподписавшиеся ведомства Баргузинской степной думы родовые начальники и почетные инородцы, быв в полном собрании в нашей степной думе, где выслушав объявленный нам указ Забайкальского областного правления от 25 июня с[его] г[ода] за № 2669 о предположении сбора на содержание сельской врачебной части с начала 1866 года с каждой ревизской души по 8 коп. ...»;

б) основной части – непосредственно решения или приговора собрания с его детальной аргументацией: «вследствие сего постановили мы сей наш приговор согласно вышесказанному указу областного правления производить сбор на этот предмет в каждый год с каждой ревизской души по 8 коп. Всего с 4344 душ 347 руб. 52 коп.»;

в) заключительной части, излагавшейся также по определенной форме: «Почему и просим степную думу этот сбор ввести в смету и представить на рассмотрение высшего начальства, в том и подписуемся»¹. Обязательным условием достоверности общественного приговора были подписи всех участников собрания.

Большой интерес для исследования представляют общественные приговоры об отмене калыма в Кударинском ведомстве от 7 ноября 1885 г.², в Кудинском ведомстве от 17 сентября 1883 г.³, приговоры баргузинских бурят о нежелании принимать волостную реформу от января 1901 г.⁴, о заслугах Сахара Хамнаева от 20 марта 1870 г.⁵, агинских бурят о выборе депутатов для встречи цесаревича Николая⁶, о направлении Цыбена Жамцарано стипендиатом им. Николая II на учебу в Иркутскую учительскую семинарию⁷ и т. д.

Докладные виды документов (доклады и записки) составлялись в произвольной форме и отражали определенную тему. Так, ценными являются докладная записка баргузинского тайши С. Хамнаева об устройстве хлебозапасных экономических магазинов с подробными расчетами, аргументами⁸, записка тайши Кударинского ведомства И. Заяханова об отмене калыма⁹ и т. д.

Отдельно надо отметить записки-письма Сахара Хамнаева степной думе, в которых он излагал свои взгляды на пути развития Баргузинского ведомства. Показательно его письмо в степную думу о необходимости развития земледелия в ведомстве от 9 февраля 1855 г.: перед нами предстает живая картина жизни баргузинских бурят середины XIX в., для которых земледелие было сложным занятием, и органы местного самоуправления, должностные лица бурят прилагали огромные усилия для развития земледелия.

В письме дается полная инструкция по земледелию, начиная с того, что должны быть определены ответственные за распространение земледелия должностные лица, составлены списки бу-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1322. Л. 338.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1261. Л. 5–8.

³ ГАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 148. Л. 80–81об.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 3–4.

⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1444. Л. 5–12.

⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2952. Л. 77–77об.

⁷ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 67–67об.

⁸ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 624. Л. 20–28.

⁹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1260. Л. 1–4.

рят, которые будут сеять хлеб, и описание, каким образом ведется распашка земли. Далее в письме говорится о необходимости избрания полевых смотрителей, в обязанность которых входили контроль за качеством пахоты, посева, за огораживанием посевных полей. Важным моментом письма является забота Сахара Хамнаева об улучшении образа жизни баргузинских бурят, стремление избавить их от «праздношатаательства» – безделья, праздного образа жизни, особенно молодежи¹.

Следующие письма «Описание образа жизни и хозяйства баргузинских бурят»², «О мероприятиях к удержанию от праздношатаательства развратных инородцев»³, «Об устройстве хозяйственных обзаведений бурят»⁴ представляют собой ценнейший материал по истории развития хозяйства баргузинских бурят в XIX в.

Следственные дела – это, как правило, решения судебных инстанций по тому или иному следственному делу с описанием процесса ведения следствия и решения суда. На примере таких следственных дел можно рассмотреть порядок ведения следствия, дознания, судопроизводства и наказания. Так, интерес представляют следственные дела об убийстве с грабежом старосты Могойтуйского родового управления С. Ирдынеева в 1899 г.⁵, по тяжбе инородца Абаганатской инородной управы Кузьмы Хинхороева о нанесении ему побоев братьями Забиновыми⁶, о краже бычка у бурята Абаганатской инородной управы Х. Хунхеева в августе 1891 г.⁷ и т. д.

В фондах ГАРБ также имеются следственные документы по громким должностным преступлениям тайшей и других должностных лиц местного самоуправления бурят. Это дела по обвинению баргузинских тайшей С. Хамнаева от 1858 г., 1861 г., 1870 г., К. Сахарова от 1894 г., ольхонских тайшей И. Н. Муравьева в 1859–1864 гг. и Х. Якшеева в 1892 г. и т. д.

Учетные документы представлены ревизскими сказками, отражающими результаты ревизий податного населения Россий-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 17–19об.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 616. Л. 4–12.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 1–9.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 5–13об.

⁵ ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 122.

⁶ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 153. Л. 48.

⁷ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 12.

ской империи в XVIII – первой половине XIX в., проводившихся с целью подушного налогового обложения населения. Ревизские сказки являлись именованными списками населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имена и отчества членов семьи, их возраст, отношение к главе семьи. В ревизские сказки (кроме 1-й, 2-й и 6-й ревизий) включались лица мужского и женского пола, но в сводных таблицах женский пол никогда не фигурировал.

Всего в России было проведено десять ревизий: в 1719, 1762, 1782, 1796, 1811, 1815, 1836, 1851, 1858 гг. Одни из самых ранних в фондах ГАРБ – окладные списки ольхонских бурят за 1815 г., составленные по итогам 7-й всероссийской ревизии населения 1815 г.¹ В фонде Кударинской степной думы имеются ревизские сказки бурят по 9-й переписи 1851 г.² и 10-й ревизии 1858 г.³, в фонде Баргузинской степной думы – ревизские сказки 1851 г.⁴ и т. д.

Высокой степенью информативности отличались подворные списки, которые составлялись в 1880–1913 гг. в ходе комплексных исследований социально-экономического положения крестьянских хозяйств. Основной целью проведения подворных переписей было выяснение общего социально-экономического состояния крестьянских хозяйств на определенный момент, как правило, в масштабах губернии, отдельных уездов, в том числе инородческих ведомств. В фонде Ольхонской степной думы имеются подворные списки за 1889 г., в которых приводятся ценные сведения о составе семьи и состоянии хозяйства. Так, в подворном списке Хонгора Якшеева, бурята 6-го Чернорудского рода Кутульского улуса Ольхонского ведомства, значится, что на тот момент ему был 61 год, у него было две жены Больгей и Улахай, четверо сыновей: Харнут (20 лет), Алагуй (15 лет), Алгана (12 лет), Роман (6 лет) и три дочери – Ногол (18 лет), Матрена (7 лет), Бутунай (3 года)⁵.

Формулярные списки должностных лиц органов местного самоуправления бурят являются уникальными по своим информационным возможностям источниками. Официальный характер

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 224. Л. 1–258.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 570–573. Л. 1–137.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 118. Л. 1–37. Д. 222. Л. 1–60.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2854. Л. 1–439.

⁵ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 719. Л. 11.

этих документов предполагает большую степень достоверности информации: в них содержатся подробные сведения о социальном происхождении, имущественном положении, возрасте, образовании, вероисповедании, составе семьи, общественной службе, что дает широкие возможности для изучения истории бурятских обществ. В фондах архива находится большое количество формулярных списков, так, только в одном фонде Кударинской степной думы есть послужные списки Хамагана Дамбуева за 1831 г.¹, Заяхана Хамаганова за 1856 г.², Якова Березовского за 1865 г.³, Ивана Заяханова за 1883 г.⁴ и других, в которых, кроме сведений об общественной службе, имеются данные об их семьях с указанием имен и фамилий жен, имен детей и их возраста.

Учетные документы внутреннего документопотока представлены журналами регистрации. Существовали журналы регистрации входящей и исходящей корреспонденции, имеющие информационную ценность, так как в них приводилось краткое содержание документов, по ним можно было искать необходимые документы, уточнять содержание утерянных бумаг. При поступлении в учреждение документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата, и передавалось краткое содержание. Входящие документы учитывались в специальных журналах регистрации, исходящие документы регистрировались также в журнале исходящих документов.

Журналы регистрации общественных приговоров появились к концу XIX в. и сохранились в фондах отдельных ведомств. Безусловно, они являются ценными источниками по истории бурятских ведомств, так как общественные приговоры имели законодательную и исполнительную силу в своих ведомствах. Именно общественными приговорами утверждались нормы обычного права, имеющие силу закона; бюджет ведомства; должностные лица местного самоуправления и т. д.

Особую источниковую ценность представляют фонды органов местного самоуправления тунгусов Западного Забайкалья, позволяющие углубить тему исследования:

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 207. Л. 16–17.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 683. Л. 1–5.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 798–799. Л. 2–6.

⁴ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1070. Л. 2об.-4.

1) фонд 320 «Баргузинская тунгусская инородная управа» (1832–1873) – 32 дела;

2) фонд 9 «Баунтовская тунгусская инородная управа» (1853–1923) – 54 дела;

3) фонд 328 «Нижнеангарское Киндигирское родовое управление» (1832–1917) – 93 дела;

4) фонд 50 «Подлеморско-Шимагирское родовое управление» (1831–1919) – 46 дел.

Фонды были сформированы из архивов инородных управ и родовых управлений, поступивших на государственное хранение в 1920-х гг., и представлены делопроизводственными документами, которые содержат интересные сведения об их административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности.

Значительную часть фондов составляют организационно-распорядительные документы – это указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции вышестоящих учреждений, регламентирующие сбор податей и повинностей, предоставление отчетности, распространение земледелия, принятие мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначение выборов, утверждение должностных лиц и т. д. Важное место среди них занимают предписания вышестоящего начальства, следившего за состоянием охотничьего промысла. Так, в 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия направляет предписание «О запрещении продажи и хранении убитых соболей, соболиных мехов и шкур без печати, клейма и пломбы»¹. В 1913 г. баргузинский уездный комиссар предписывает «принять самые энергичные меры, чтобы вся добытая тунгусами пушнина не попала в руки частных скупщиков, а сдавалась в родовое управление для продажи с торгов и расчета затем вырученными деньгами с продовольственным отделом и покупки на таковые нового количества продуктов»².

Следующую группу источников составляет отчетная документация, где особое место занимают отчеты и рапорты, содержавшие основную информацию о жизнедеятельности тунгусских обществ. В отчетах можно найти статистические сведения о количестве тунгусов, занятиях и промыслах. Так, согласно отчету Баргузинской тунгусской инородной управы, за 1872 г. насчитывалось 516

¹ ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–16об.

² ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

ревизских душ¹, которые подразделялись на четыре рода: Лимагирский, Мунгальский, Баликагирский и Чильчагирский².

Интерес представляют отчеты органов местного самоуправления о состоянии рыболовства, охоты, скотоводства и ремесла. Так, в ведомости Баргузинской инородной управы за 1873 г. отмечается, что «жители ведомства сей управы ловят рыбу в р. Баргузин и ее притоках, в основном ловят язя, окуней, леньков, тайменей, сигов, щук и сорог»³. В 1871 г. баргузинскими тунгусами было добыто «медведей – 1, коз – 20, кабарги – 25, белок – 800»⁴. В хозяйстве тунгусов имелись «рогатый бык лучшего качества для приплода и работ, а корова вообще для домашнего хозяйства»⁵.

Документы протокольного характера представлены общественными приговорами (решениями) собраний при инородной управе и родовых управлениях, дающих большой фактический материал об их хозяйственной и административной деятельности. Имеются приговоры об избрании шуленгой Подлеморско-Шемагирского родового управления А. Шадрина, головы Баунтовской инородной управы И. Найканчина и т. д.

Таким образом, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия документальные источники фондов позволяют исследовать историю тунгусских органов местного самоуправления в XIX – начале XX в., содержат существенную информацию о жизни и быте тунгусов.

Историю взаимоотношений бурятских органов местного самоуправления с миссионерскими учреждениями можно проследить на основании документов фондов миссионерских церквей, например, фонд 195 Усть-Ордынской Троицкой миссионерской церкви (1870–1919) содержит 298 дел.

Ценными источниками, дополняющими и обогащающими фонды бурятских органов местного самоуправления, являются фонды личного происхождения ГАРБ: фонд 362 «Личный фонд Мангатхана Маласагаева» (1867–1930) – 27 дел; фонд 357 «Личный фонд Андрея Михайлова» (1870–1923) – 2 дела; фонд 353 «Личный фонд Ильи Иннокентьевича Пирожкова» (1823–1906) – 6 дел.

¹ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

² ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–4.

³ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.

⁴ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

⁵ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.